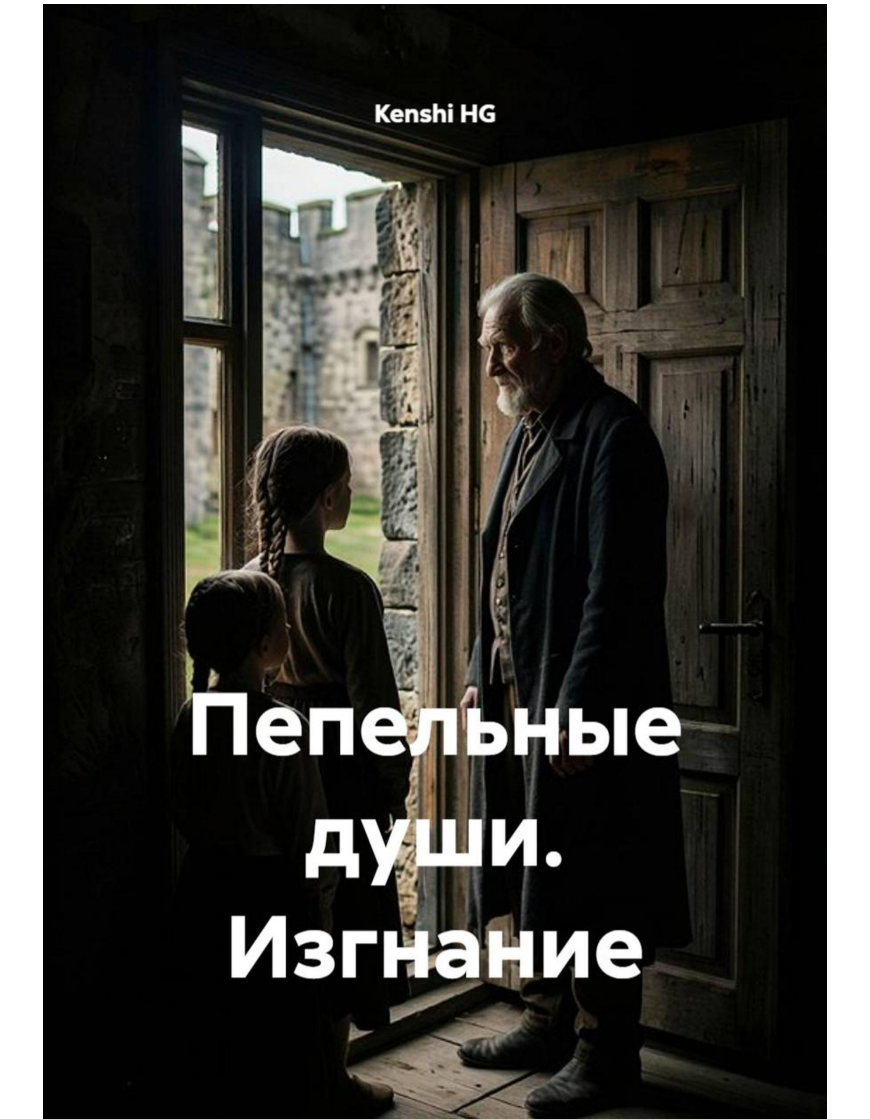

A cinematic photograph of an elderly man with a white beard and a dark coat standing in a rustic wooden doorway. He is looking out towards a young girl with long braids and a smaller child, who are also looking out. The scene is set in a dark, stone-walled interior, and the light from the doorway illuminates the subjects. In the background, a stone castle with battlements is visible through the opening.

Kenshi HG

**Пепельные
души.
Изгнание**

Kenshi HG

Пепельные души. Изгнание

<https://litres.ru/74687832>

SelfPub; 2026

Аннотация

Долина Трёх Костей. Земля, которая не родит, потому что её слишком часто хоронят.

Ян по прозвищу Тихий - крестьянин, которому тридцать четыре года, но по здешним меркам он уже старик. Спина не разгибается, левое ухо не слышит, жена умерла шесть лет назад. Остались двое детей: Марта, которая смотрит на замок барона и запоминает, и Пёс, который боится темноты и ждёт отца у двери каждый вечер.

Ян не герой. Он не поведёт бунт, не найдёт клад, не спасёт деревню. Он просто живёт - потому что остановиться значит умереть, а умереть значит оставить детей одних. Это не мужество. Это привычка.

Это роман-хроника об одном годе одной человеческой жизни. О голоде, который всегда с тобой. О холоде, который не проходит. О редких проблесках тепла, которые делают холод ещё невыносимее. О земле, которая ждёт - и неизвестно, чего именно.

Содержание

Глава 1 Дым	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Kenshi HG

Пепельные души. Изгнание

Глава 1 Дым

Зима держалась за долину, как старуха за последнюю монету.

Ян проснулся не от холода - холод был постоянным, как дыхание, - а от того, что холод стал острым. Он лежал на соломе, смёрзшейся в комья, и чувствовал каждый стебель через рваную дерюгу. Печь остыла ещё до полуночи. Он знал это, потому что просыпался дважды: первый раз, когда огонь начал гаснуть, и второй - когда от него остались только угли, красные, как больные глаза.

Он не вставал. Лежал и смотрел в потолок. Потолок был чёрный от копоти, и в углу, где сходились балки, висела паутина, покрытая изморозью. Паутина блестела, как седые волосы. Ян подумал: паук умер. Или ушёл. Он не знал, куда уходят пауки, когда становится слишком холодно. Может, забираются в щели. Может, сворачиваются и ждут. Может, умирают.

Пора.

Спина не разогнулась до конца. Она никогда не разгибалась до конца - с той зимы, когда он таскал брёвна на по-

стройку сарая, а надзиратель торопил, и он сорвался, и что-то хрустнуло в пояснице. С тех пор спина стала чужой. Она ныла, отдавала в левое плечо, тянула вниз. Он подождал, пока боль отступит. Боль не отступала - она просто пряталась, как крыса, и ждала следующего движения.

Он сел.

Марта уже не спала. Она сидела на своей постели, подтянув колени к груди, и смотрела на него. Не мигая. Глаза у неё были взрослые, и это было не потому, что она выросла, а потому, что ей пришлось. Ян давно перестал удивляться. Но иногда, вот как сейчас, он смотрел на неё и думал: откуда это в ней? Не от него. Он не был таким. Он был пустым. А она - она была полной. Полной чего-то, что он не мог назвать, и что его пугало.

— Печь, - сказал он.

Она кивнула. Молча. Поднялась, и её босые ноги прошли по земляному полу без звука. Пёс ещё спал, свернувшись клубком, подложив ладони под щёку. Во сне он дышал часто и мелко, как щенок. Или как больной. Ян посмотрел на него и отвернулся.

Дров осталось на два дня. Может, на три, если топить по-маленькому. Может, на один, если ударит мороз.

Он вышел во двор.

Мир был серый. Небо, земля, стены - всё одного цвета, как будто кто-то развёл краску в грязной воде и мазнул по всему сразу. Снег стоял, но земля не оттаяла. Она лежала твёрдая,

как камень, и пахла кислым - не прелой листвой, не сыростью, а чем-то другим. Чем-то, что Ян не мог назвать. Он думал об этом запахе, когда стоял у колодца, когда копал, когда спал. Он думал: так пахнет то, что не хочет просыпаться.

За оградой, на дороге, было пусто. Только ворона сидела на столбе и чистила перья. Увидев Яна, она посмотрела на него и не улетела. Вороны не боятся тех, кто не может их убить. Ян это знал.

Он пошёл к сараю. Сарай был маленький, кривой, из старых досок, которые он снял с дома вдовы Ганны, когда её крыша провалилась. Вдова не возражала. Она сказала: бери, пока тепло. Теперь её крыша лежала на его сарае, и это было единственное, что он у неё взял.

Внутри стояла коза. Единственная скотина, которая у них осталась. Она уже не давала молока - вымя высохло, как кошель нищего, - но Ян не мог её зарезать. Не потому, что жалел. Просто не мог. Рука не поднималась. Он думал: если зарежу её, то что? Мясо на неделю. А потом? Потом пустота. Пустота, которую нельзя залить кровью. Он знал, что это глупо. Но глупость иногда держит крепче, чем ум.

Коза посмотрела на него жёлтым глазом и отвернулась. У неё был этот взгляд - взгляд существа, которое знает, что его время вышло, и которое уже устало ждать.

Дров в сарае было мало. Он набрал охапку - тонкие ветки, сучья, несколько поленьев, которые он припас ещё с осени, - и понёс в дом. Ветки были мокрые. Они не хотели гореть.

Они будут шипеть и дымить, и дым пойдёт в комнату, потому что труба была сложена криво, ещё до него, и он так и не починил её.

Марта уже вымела золу из печи. Она стояла на коленях перед устьем, и её руки были чёрные по локоть. Она не подняла головы, когда он вошёл. Он подумал: она не хочет меня видеть. Или не хочет, чтобы я видел её.

Он развёл огонь. Сначала занялся трут - сухая трава, которую они собирали летом, - потом ветки, потом поленья. Огонь был слабый, но живой. Он давал немного тепла и много дыма. Дым пошёл в комнату - серый, едкий, он заползал в лёгкие и оставлял там горечь. Ян привык. Он дышал через тряпку, когда было совсем плохо. Но сегодня было не так плохо. Сегодня было обычно.

Пёс проснулся от дыма. Он закашлялся, сел, протёр глаза кулаками и посмотрел на отца. В его глазах ещё не было ни страха, ни голода. Только сон. Только тепло, которое ещё не ушло из его тела.

— Есть хочу, - сказал он.

Ян ничего не ответил. Он достал с полки горшок, в котором оставалась мука - немного, на дне, - и поставил его на стол. Мука была серая, с тёмными точками. Мыши. Или просто грязь. Он не знал. Он не хотел знать.

— Марта, - сказал он.

Она встала, вытерла руки о подол и подошла. Она посмотрела в горшок и ничего не сказала. Просто взяла его и понес-

ла к печи. Она не спросила, почему так мало. Она не спросила, будет ли ещё. Она не спрашивала ничего. Это было хуже, чем если бы она плакала.

Они ели лепёшки из муки, смешанной с лебедой. Лепёшки были серые, горьковатые, но тёплые. Ян съел свою медленно, маленькими кусками, чтобы растянуть. Марта ела так же. Пёс проглотил свою за три укуса и посмотрел на отца. В его глазах была надежда. Не жадность. Надежда. И это было хуже всего.

— Можно ещё? - спросил он.

— Нет, - сказал Ян.

Пёс не заплакал. Он уже знал, что это бесполезно. Он просто сидел и смотрел на пустой стол, и его руки лежали на коленях, и он не двигался. Ян видел это. И ничего не сказал.

Днём Ян пошёл в поле.

Поле было за деревней, за последними домами, у подножия холма. Земля лежала тёмная, мокрая, с редкими пятнами снега в бороздах. Прошлогодня рожь торчала из земли сухими стеблями - её не убрали до конца, не хватило рук, не хватило времени, не хватило сил. Она стояла, как маленькие скелеты, и ветер шевелил их, и они качались, но не падали.

Ян остановился на краю поля и посмотрел на него.

Земля ждала. Она всегда ждала. Она лежала здесь, когда его не было, и будет лежать, когда его не станет. Она не помогала и не мешала. Она просто была. Но иногда, вот как сейчас, ему казалось, что она смотрит на него. Что она что-

то знает. Что она молчит не потому, что ей нечего сказать, а потому, что она не хочет.

Он вспомнил слова Лейба. «Земля здесь не родит, потому что её слишком часто хоронят». Он не знал, что это значит. Но иногда, стоя вот так, на краю поля, он чувствовал, что земля под ногами - не просто земля. Что в ней что-то есть. Что-то, что не хочет расти. Что-то, что хочет только одного: чтобы её оставили в покое.

Он перекрестился. Не потому, что верил, а потому, что так делала всегда. Рука сама поднялась ко лбу, к груди, к плечам. Это было как дыхание. Это было как привычка. Это было как всё остальное.

Потом он взял лопату и начал копать.

Земля не поддавалась. Она была тяжёлая, глинистая, с камнем на пол-лопаты вглубь. Он поднимал лопату, опускал, и каждый раз что-то скрипело - не земля, а его спина. Он не останавливался. Он знал: если остановиться, то потом не начать. Если остановиться, то можно сесть. Если сесть, то можно лечь. Если лечь, то можно не встать. Он не мог себе этого позволить.

К обеду пришла Марта. Она принесла воду в глиняной бутылки, завёрнутой в тряпку, чтобы не замёрзла. Ян взял бутылку, отпил. Вода была холодная, с привкусом тины. Он посмотрел на дочь. Она стояла, опустив руки, и смотрела не на него, а куда-то в сторону. На холм. На замок.

Замок был далеко, но его было видно. Серая башня тор-

чала над холмами, как кривой зуб. В ясные дни оттуда шёл дым - тонкая струйка, которая поднималась вверх и таяла в небе. Сегодня дым был густой, белый. Значит, там топили. Значит, там было тепло. Значит, там пекли хлеб.

— Что там? - спросил Ян. Он знал, что она видит. Он хотел, чтобы она сказала. Он не знал, зачем.

Марта не сразу ответила. Она смотрела на дым, и в её глазах было что-то, чего Ян боялся. Не злость. Злость он бы понял. Злость - это когда хочешь сломать. А у неё было другое. У неё было желание. Желание, которое она держала внутри, как камень за пазухой, и которое грело её сильнее, чем любая печь.

— Дым, - сказала она. - Они топят.

Ян ничего не сказал. Он знал, что она думает. Знал, что она представляет, как там тепло. Как там пахнет хлебом. Как там люди сидят у огня и не считают поленья. Как там дети не просят добавки, потому что добавка есть.

Он тоже об этом думал. Когда-то. Теперь перестал. Не потому, что смирился. А потому, что думать об этом было как грызть камни. Зубы крошатся, а сытости нет.

— Иди домой, - сказал он. - Печь протопи.

Она кивнула и ушла. Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась за домами. Она шла прямо. Не сгорбившись. Не спеша. Она шла так, как ходят люди, которые знают, куда идут. Ян не знал, куда она идёт. Он не знал, куда идёт сам.

Вечером пришёл Курт.

Ян был во дворе, колот дрова. Малые, тонкие поленья, которые он собрал в лесу ещё осенью. Он поднимал топор, опускал, и дерево раскалывалось с сухим треском. Треск был резкий, как выстрел. Он разносился над деревней, и Ян знал, что его слышат. Знал, что соседи думают: Ян колет дрова. Значит, у него есть дрова. Значит, он не совсем пропал.

Он услышал шаги за спиной и остановился. Не обернулся. Он узнал шаги. Тяжёлые, ровные, без спешки. Так ходят люди, которым нечего бояться.

— Ян, - сказал Курт.

Ян опустил топор. Топор был старый, с щербатым лезвием. Он не рубил, а рвал дерево. Но другого не было.

— Курт.

Курт вошёл во двор. Он не спешил. Он никогда не спешил. Он посмотрел на козу, которая стояла в сарае и жевала что-то старое, потом на дом, потом на Яна. Его глаза были как два серых камня. Они не выражали ничего. Ни злости, ни жалости. Только скуку. Скуку человека, который делает свою работу и знает, что она никогда не кончится.

— Барон считает, - сказал он. - Ты не доплатил.

Ян молчал.

— Двадцать грошей, - сказал Курт. - С прошлого раза.

Ян знал. Он знал это уже месяц. Он думал, что сможет собрать. Не собрал. Он думал, что продаст козу. Не продал. Он думал, что найдёт работу. Не нашёл. Он думал много чего. Ничего не сбылось.

— Нет у меня, - сказал он.

Курт кивнул. Он не удивился. Он никогда не удивлялся. Удивление - это роскошь для тех, у кого есть время думать.

— Тогда я заберу что-нибудь другое, - сказал он.

Он посмотрел на козу.

Ян почувствовал, как что-то сжалось в груди. Не страх. Что-то другое. Что-то, чему он не знал названия. Это было как когда-то давно, в детстве, когда он упал с дерева и не мог дышать. Воздух был рядом, но не входил. Так и сейчас. Что-то было рядом, но не входило.

— Коза не даёт молока, - сказал он. - Она старая. Ты её не продашь.

Курт посмотрел на него. В его глазах не было ни злости, ни жалости. Только скука.

— Тогда что? - спросил он.

Ян молчал. Он думал о Марте. О Псе. О том, что в доме есть ещё кое-что. Старая прялка, которую оставила жена. Медный котёл, который достался от отца. Горшок с полыню. Он думал: что можно отдать, чтобы не было больно? Что можно отдать, чтобы это не было как отрезать палец?

— Прялка, - сказал он.

Курт подумал. Он думал недолго. Он всегда думал недолго.

— Прялка - это не двадцать грошей, - сказал он. - Прялка - это десять.

— Больше нет ничего.

Курт посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.
— Неси.

Ян пошёл в дом. Марта стояла у печи, прижавшись спиной к стене. Она слышала всё. Она смотрела на отца, и в её глазах был лёд. Не тот лёд, который тает. Тот, который остаётся.

— Не надо, - сказала она тихо.

Ян ничего не сказал. Он снял прялку со стены - она была тяжёлая, из тёмного дерева, с резьбой по бокам, - и вынес её во двор. Прялка была холодная. Она всегда была холодная. Жена грела её руками, когда пряла. Теперь руки были другие. Теперь руки были его.

Курт взял её, повертел в руках, потом засунул под мышку.
— Остальное - к следующему разу, - сказал он.

Он пошёл к калитке. Уже у выхода он остановился и обернулся.

— Барон не любит ждать, - сказал он. - Ты знаешь.

Ян кивнул.

Курт ушёл.

Ян стоял во дворе и смотрел ему вслед. Ветер подул, принёс запах дыма - из деревни, из чьей-то трубы. Дым был горький, как всегда. Но сейчас он казался горше. Может, потому, что ветер был другой. Может, потому, что он сам был другой.

Он вернулся в дом.

Марта сидела на своей постели. Она не плакала. Она смотрела в стену. На том месте, где висела прялка, остался светлый прямоугольник. Дерево под ней было светлее, чем во-

круг. Оно не успело потемнеть. Оно ещё помнило, что было закрыто.

Пёс спал. Он не проснулся. Он спал так, как спят дети, которые ещё не знают, что мир может забрать что-то навсегда.

Ян подошёл к печи и сел на корточки. Огонь почти погас. Он подбросил ещё веток. Ветки зашипели, задымили, и огонь снова ожил. Он был маленький, слабый, но живой.

— Завтра, - сказал он, - пойдём в лес. За дровами.

Марта не ответила.

Он не ждал ответа. Он знал, что она ответит. Не словами. Чем-то другим. Тем, что было в её глазах. Тем, что было в её молчании.

Ночью он лежал без сна и слушал, как дышит дом. Дом дышал медленно, тяжело, как старик. Сквозь щели в стенах проникал холод. Он лежал на спине и смотрел в потолок, на паутину, которая блестела от изморози. Паутина была пустая. Паук ушёл. Или умер. Ян не знал, что лучше.

Он думал о прялке. О том, как жена сидела за ней, когда была жива. Как её руки двигались быстро, уверенно, как она напевала что-то тихое, себе под нос. Он не помнил мелодию. Он помнил только, что она напевала. Он помнил, что это было тепло. Он помнил, что это было давно.

Он думал о козе. О том, что скоро придётся её зарезать. Или продать. Или отдать Курту, когда тот придёт в следующий раз. Он думал: что останется? Что останется, когда нечего будет отдавать? Он не знал. Он боялся узнать.

Он думал о Марте. О том, что она смотрит на замок. О том, что она запоминает. О том, что она читает. Он не знал, что она читает. Он не знал, зачем. Но он знал, что это важно. Важнее, чем дрова. Важнее, чем прялка. Важнее, чем всё остальное.

Он думал о Псе. О том, что мальчик не помнит матери. О том, что он вырастет и не будет знать, откуда он. О том, что он будет думать, что так и надо. Что так и должно быть. Что это и есть жизнь.

Он думал о земле. О том, что она лежит за окном, тёмная, мокрая, и ждёт. Он думал: чего она ждёт? Его? Или кого-то другого? Он не знал. Но он чувствовал, что она ждёт. И это было хуже, чем если бы она не ждала ничего.

Он закрыл глаза.

Утром будет ещё один день. Такой же, как этот. Или хуже. Или лучше. Он не знал. Он не хотел знать. Он просто хотел, чтобы утро пришло. И чтобы он смог встать.

Он уснул.

За стеной, в лесу, что-то треснуло. Ветер прошёл по верхушкам елей, и они закачались, медленно, тяжело, как люди, которые не могут заснуть. Где-то далеко, в замке, горел огонь. Там было тепло. Там пахло хлебом. Там люди сидели у огня и не считали поленья. Ян спал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.